

ИСТОРИЧЕСКИЕ Е НАУКИ
HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 103—119.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 103—119.

Научная статья

УДК 316.346.2+930.2(093.3)

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.7

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ, ЛИЧНОЕ, ОБЫДЕННОЕ
В ЖЕНСКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(На примере записей тверичанки середины 1970-х гг.)**

Анна Валерьевна Белова^{1,2}

¹ Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия, belova.av@tversu.ru

² Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуется феномен женской автобиографической памяти в контексте проблем женской социальной и семейной памяти. На основе методологических подходов женской истории, социальной антропологии женской повседневности, междисциплинарных исследований памяти, антропологии памяти предметом специального изучения стали гендерные особенности памяти как одна из научных проблем, вскрывающих специфику запоминания женщинами собственного пережитого жизненного опыта. Анализируя неопубликованные дневниковые записи тверичанки середины 1970-х гг., автор статьи рассматривает вопрос о соотношении практик меморизации и социального опыта женщин и приходит к выводу о функциональной связи вопросов антропологии памяти и изучения гендерных аспектов социального опыта. Дневниковые записи Александры Михайловны Никольской (1887 — после 1976), фиксирующие женскую автобиографическую память, позволили восстановить неизвестные детали исторической биографии основоположника экскурсионной работы в СССР, организатора Института методов внешкольной работы Арта Яковлевича Закса (1878—1938). На основе исследования неопубликованных автобиографических документов А. М. Никольской анализируется соотношение профессионального, личного и обыденного в общественной и частной жизни, выясняется сопряженность субъективного и исторического прошлого. Особое внимание уделяется проблемам источниковедческого потенциала женской автобиографической памяти, зафиксированной в эго-документах, в частности в дневниках. В заключение делается вывод о том, что «количественная» достоверность женской социальной памяти, связанная с точной датировкой событий, доскональным восстановлением хронологической последовательности, может уступать «качественной» информации о субъективной реакции на произошедшее, эмоциональному восприятию пережитого опыта, роли автобиографического нарратива в конструировании собственной идентичности.

Ключевые слова: антропология памяти, женская социальная память, женская семейная память, женская автобиографическая память, гендерные особенности памяти

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII—XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия»; автор выражает благодарность прямым потомкам А. Я. Закса — внукам В. А. Заксу, И. А. Заксу, правнучке М. В. Акеиной, урожденной Закс, за любезно предоставленные материалы личного архива, а также представителю московской ветви В. С. Заксу.

Для цитирования: Белова А. В. Профессиональное, личное, быденное в женской автобиографической памяти: (на примере записей тверичанки середины 1970-х гг.) // *Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 103—119.*

Original article

**PROFESSIONAL, PERSONAL AND EVERYDAY ASPECTS
IN WOMEN'S AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY
(Based on the example of records of a female resident of Tver
in the mid-1970s)**

Anna V. Belova^{1, 2}

¹ Tver State University, Tver, Russian Federation, belova.av@tversu.ru

² N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the phenomenon of women's autobiographical memory in the context of problems of women's social and family memory. Based on the methodological approaches of women's history, the social anthropology of women's everyday life, interdisciplinary studies of memory, and the anthropology of memory, the subject of special study was the gender characteristics of memory as one of the scientific problems that reveal the specifics of women remembering their own life experiences. Analyzing the unpublished diary entries of a female resident of Tver from the mid-1970s, the author examines the question of the relationship between memorization practices and the social experience of women. The article also discusses the functional connection between issues of the anthropology of memory and the study of gender aspects of social experience. The diary entries of Alexandra Mikhailovna Nikolskaya (1887 — after 1976), recording women's autobiographical memory, made it possible to restore unknown details of the historical biography of the founder of excursion work in the USSR, the organizer of the Institute of Methods of Extracurricular Work, Art Yakovlevich Zaks (1878—1938). Based on a study of unpublished autobiographical documents of Alexandra Mikhailovna Nikolskaya, the relationship between professional, personal and everyday aspects in public and private life is analyzed, and the connection between the subjective and historical past is clarified. Particular attention is paid to the problems of the source potential of women's autobiographical memory recorded in ego-documents, notably in diaries. It is concluded that the "quantitative" reliability of women's social memory, associated with the exact dating of events, a thorough restoration of the chronological sequence, may be inferior to "qualitative" information about the subjective reaction to past events, the emotional perception of the experience, the role of the autobiographical narrative in the construction of one's own identity.

Key words: anthropology of memory, women's social memory, women's family memory, women's autobiographical memory, gender characteristics of memory

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-18-00212 "Women's family memory in Russia in the 18th—21st centuries: forms of transmission, dynamics of transformation, social mission"; the author also expresses gratitude to the direct descendants of A. Ya. Zaks — grandchildren V. A. Zaks, I. A. Zaks, great-granddaughter M. V. Akenina, née Zaks, for kindly providing materials from the personal archive, as well as to the representative of the Moscow branch V. S. Zaks.

For citation: Belova, A. V. (2024) Professional'noe, lichnoe, obydennoe v zhenskoj avtobiograficheskoj pamiaty: (Na primere zapisej tverichanki serediny 1970-kh gg.) [Professional, personal and everyday aspects in women's autobiographical memory: (Based on the example of records of a female resident of Tver in the mid-1970s)], *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 1, pp. 103—119.

Изучение памяти как междисциплинарной проблемы

Современные memory studies — динамично развивающееся в начале XXI в. междисциплинарное поле, воплощающее новые подходы как в историографии, так и в антропологическом знании [Белова, 2023: 134]. Л. Нитхаммер со ссылкой на предшественника и теоретика изучения долгосрочной памяти М. Хальбвакса [Хальбвакс, 2007: 336] приводит предположение «о способности человека вспоминать то, что было давно» как о «реконструировании прошлого с помощью информации, доступной на сегодняшний день, сегодняшних толкований и сегодняшних общественных установлений» [Нитхаммер, 2012: 18]. Антропологическая природа памяти, входящей в качестве одного из компонентов психики в структуру сознания человека, делает проблему междисциплинарной — предметом работы ученых одновременно в рамках исследований мозга, нейрофизиологии, биохимии, психологии, педагогики, истории, культурной антропологии, антропологии памяти. Эвристический потенциал автобиографической, семейной и социальной памяти личности придает ее изучению особую научную значимость в контексте истории женщин и социальной антропологии женской повседневности [Белова, 2019: 40].

При этом в историко-этнологические исследования памяти включаются проблемы контрпамяти, забвения, борьбы за память, политики памяти, которые так или иначе представляют собой понятийный арсенал антропологии памяти, обусловленный в каждом конкретном случае специфическим историческим контекстом.

В то время как конструкторами доминирующей национальной «исторической памяти» являлись мужчины-историографы, женщины становились носительницами альтернативной социальной памяти. Поэтому важно понять, каким образом данный вид памяти участвует в конструировании национальной идентичности, насколько гендерная дифференциация существенна для интерпретации общенационального исторического нарратива. Это приобретает особое значение в контексте существующего в историографии различения социальной памяти как продукта общественного воображения и как профессионально написанной истории, результата деятельности ученых [Шнирельман, 2018: 14].

Проблема меморизации культуры и социального опыта сообщества имеет ключевое значение для сохранения национального самосознания, нацистро-

тельства, укрепления фундаментальных основ государственности и упрочения принципов цивилизационной модели. Основы российской государственности исторически формировались в условиях родовой памяти поколений, приоритета семейной организации, широкого взаимодействия и тесного сотрудничества не только общинных объединений, но и разнообразных с возрастной, гендерной, этнической точек зрения общественных когорт.

Для российской цивилизационной модели характерно как наличие сильной общины, патриархальной большой семьи, так и высокая степень женского участия в общественно-политических и частноправовых процессах, которое усиливалось от Средневековья к Новому и Новейшему времени. Исторически россиянки выступали не только субъектами воспроизводства человеческого капитала, представлявшего один из возобновляемых ресурсов российской и советской государственности (особенно в послевоенное время), но и носительницами «ментального капитала» нации, целью поддержания которого являлась жизнеспособность общества как социальной системы.

Женская социальная память как проблема исследования

Субъективные источники — мемуары, воспоминания, записи устных историй, автодокументальные нарративы, принадлежавшие женщинам, — выступают одновременно документальной базой по истории женской социальной памяти и практик женской повседневности. Выявление на основе их изучения исторического содержания, функционального предназначения и роли женской социальной памяти в аккумулировании ключевых составляющих устойчивого цивилизационного развития семьи, государства, нации в России в разные исторические времена, в том числе в советский период, является фундаментальной исследовательской задачей. Важно проследить механизмы преемственности консолидирующего потенциала женской социальной памяти в условиях как общественно-политических катаклизмов, так и мирных будней и производительного повседневного опыта. Особое значение в этой связи имеет исследование женской социальной памяти об обыденном, привычном, повседневном, которое всегда было фоном для событий «большого масштаба». Проблематизация многофункционального потенциала женской социальной памяти об ординарных и экстраординарных событиях, явлениях и процессах прошлого продвигает научное сообщество в изучении механизмов самоорганизации российского и советского общества на всех уровнях выработки коллективной идентичности — семейном, поколенческом, государственном, национальном.

Изучение проблем женской меморизации позволяет понять с наибольшей достоверностью существенные вопросы о том, как изменения, происходившие в обществе, отражались на повседневных переживаниях и субъективных опытах отдельных так называемых «маленьких людей», составлявших человеческий потенциал нации, на характере и способах их социализации и инкультурации. Возрастает актуальность исследований, связанных с этическими аспектами исторического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений, влияющими на судьбы конкретных людей, по-разному ими оцениваемыми, в том числе в национально значимых механизмах женской памяти.

В настоящий момент важно проблематизировать женскую социальную память, фиксируемую в автобиографическом дискурсе, как предмет интегративных

исследований женской истории, социальной антропологии женской повседневности и антропологии памяти. Изучение гендерных особенностей исторической памяти [Иванова, 1999, 2003; Пушкарева, 2001; Пушкарева, 2007: 278—308] представляет бесспорный научный интерес для проникновения в механизмы меморизации и выяснения их роли в конструировании нарративной идентичности личности. Лишь по прошествии времени можно целостно и концептуально осмыслить прожитые годы, сделать выводы о логике жизненного пути и целесообразности встречавшихся на нем перипетий.

Гендерные особенности запоминания и исторической памяти, с одной стороны, выявляли отличия женских жизненных опытов и социальных практик от мужских, внося коррективы в структуру традиционных гендерных ожиданий и систему гендерных отношений, с другой — позволяли в ряде случаев переосмыслить имеющийся опыт семейных взаимодействий, играли важную роль в трансформации гендерных идентичностей, прежде всего женской [Белова, 2019: 43]. Личная память, транслируемая в мемуарах женщин, становится системообразующим дискурсом в повседневной жизни семьи, в организации внутрисемейных связей в синхронном и диахронном аспектах и конструировании статусных и властных иерархий.

Историографические аспекты корреляции материнской темы и проблемы памяти намечены как значимые в контексте социальной истории, исторической этнологии, истории повседневности [Пушкарева и др., 2018]. Фиксация и закрепление материнской идентичности в автобиографической памяти носили сложный характер, не всегда полностью соотносимый с социальными ожиданиями от женщин, хотя и формируемый под их непосредственным влиянием.

Проблема женской социальной памяти объединяет эвристический потенциал исторических и этнографических исследований памяти, антропологии памяти, психологии памяти, нейроантропологии, гендерной антропологии и других [Белова, 2019: 40]. Нарративы о собственном прошлом, «пережитые истории», запечатлевшие индивидуальную память о повседневной жизни в контексте происходивших политических и социальных событий, в сочетании с актуальными повседневными заботами и переживаниями, не только конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы о мире, но и по-особому преобразуют общезначимый контент в элементы автобиографической памяти.

При этом автобиографическая память не верифицируема в принципе и даже память об одном и том же событии может с полным основанием отличаться у разных людей, по-своему его переживших. Возникает ряд вопросов: каким образом происходит отбор событий для запоминания, каковы гендерные особенности меморизации, как работает механизм женской памяти об общественно-политических событиях, породивших в прошлом травматические опыты, существует ли мнемонический ресурс трансформации болезненных жизненных практик в приемлемые воспоминания? Исследование этих вопросов на примере переживания и осмысления коллизий «короткого» XX в. позволит выявить новые аспекты соотношения практик меморизации и социального опыта женщин, уточнить функциональное предназначение автобиографических нарративов для трансляции женской социальной памяти.

Память и забвение в женском автобиографическом нарративе

Автобиография предполагает воспроизведение собственной жизненной истории, при этом может иметь расширенное толкование. По версии «Британники», «автобиографические произведения имеют множество разновидностей — от глубоко личных записей, делавшихся в течение всей жизни и не всегда предназначенных для публикации (в том числе письма, дневники, мемуары и воспоминания) до формальной автобиографии» [Автобиография, 2009: 8]. При таком понимании они совпадают с автодокументальными источниками, иначе называемыми источниками личного происхождения или субъективными источниками как своеобразным дисплеем женской субъективности.

Определение автобиографической памяти включает женский авторский нарратив, функцией которого является конструирование идентичности. Можно ли утверждать, что в известном смысле любой женский нарратив стоит считать выражением автобиографической памяти? Все ли субъективные источники относятся к ней? Да, если принять не субстанциальность, а инструментальность памяти, т. е. воспринимать ее как инструмент проецирования себя в будущее.

Можно ли при этом считать, что автобиографическая, социальная и историческая память женщин соотносятся как индивидуальная, коллективная и национальная память? В какой мере автобиографический нарратив женщин вписан в метанарратив значимого коллективного и национального опыта?

В процессе написания автобиографии происходит переконструирование собственного прошлого на уровне нарративной идентичности. Рассказанная во всех подробностях история позволяет устранить негативные аспекты восприятия и травмы. Вместе с тем дает возможность воссоздать это иначе, чем переживалось. Происходит создание мифа о себе через «намеренное словесное искажение запомненного» [Ekman, 1985].

Автобиографическая память относится к самовосприятию собственной идентичности и имеет незначительное отношение к достоверности передаваемых событий. Она нацелена на воспроизводство субъективных переживаний автора, ментальную переработку повседневных опытов прошлого с целью не просто перерассказать о нем, а мысленно создать (смоделировать) будущее.

Механизмы бытования и действия автобиографической памяти напоминают отчасти способы функционирования эпической традиции. Эпос не нацелен на историческую достоверность. Его смысл — посредством воспроизводства значимого социального опыта прошлого обеспечить устойчивое существование сообщества в будущем. Автобиографическая память за счет воссоздания нарратива о прошлом призвана обеспечить устойчивый эмоциональный статус автора в будущем.

Проблемы, с которыми в каком-то возрасте автор-женщина не могла справиться, ей удается переосмыслить и иначе интерпретировать по прошествии времени. Обращение к воспоминаниям о собственной прожитой жизни — это взгляд на себя из «точки будущего». Безвыходная ситуация в прошлом может быть оценена как невозможность взглянуть на себя из «точки будущего». Позднее, когда это «будущее» наступило и прошло и, миновав статус «настоящего», обрело статус «прошлого», сознание способно обращаться с ним произвольно, переосмыслить в пользу комфортного принятия. Часто, находясь в том, что

когда-то было будущим, человек с большим недоумением обращается к образу себя в прошлом, эмоциональному статусу и не понимает, зачем было потрачено определенное количество эмоций и сил на ситуации, которые этого не заслуживали. Но в моменте это было непонятно.

Можно выделить следующие виды автобиографической памяти: инструментальную, экспрессивную (эмоциональную), событийную. Также могут быть выявлены основные функции автобиографической памяти, такие как идентификационная (ресурсная), которая служит ресурсом идентификации себя с родом, семьей, социальной группой; коммуникативная; транслирующая; мифологизирующая; смыслообразующая [Белова, 2021].

Подлежат различению способы легитимизации женской автобиографической памяти, обеспечивающие право на память, право помнить что-либо, варианты официальной или альтернативной памяти и забвения. Возникает вопрос: в какой исторический момент женщина сама выбирает, что ей помнить, а что забывать? В какой мере женщина признается экспертом памяти?

Способна ли память поддерживать или разрушать ее внутренний мир, придавать ему искомую устойчивость? В чем потенциал автобиографической памяти? Память о каких этапах жизненного цикла является наиболее конструктивной? Служат ли личные записи резервуаром воспоминаний, таким же как фотографии? Наконец, каково соотношение автобиографической памяти с этапами жизненного цикла? Какую роль играют воспоминания в конструировании идентичности?

Все эти вопросы в большой степени нуждаются в проработке главным образом потому, что, будучи лишены доступа к производству символического господства в виде запечатленной реальности, женщины на протяжении веков не могли ни создать, ни легитимизировать собственную версию исторического прошлого.

Женская автобиографическая память становится, таким образом, способом обретения исторического измерения бытия женщин, конструирования будущего посредством проявленного прошлого, их собственной версией придания значимости своему социальному опыту, его фиксации и закрепления в структуре символического миропорядка.

Женская социальная память как способ принятия собственного индивидуального прошлого

Женская социальная память [Белова, 2019], фиксируемая в автобиографическом дискурсе, представляет значимый источниковедческий ресурс для изучения не только практик меморизации, но и механизмов переосмысления и принятия собственного индивидуального прошлого. Пережитый женщинами жизненный опыт связан и с персональной историей, и с событиями «большого масштаба», в контексте которых разворачивались перипетии их повседневной жизни. В женской автобиографической памяти переплетаются свидетельства как о наиболее влиятельных процессах XX в. и выдающихся деятелях эпохи, так и об обыденном, привычном, повседневном, определявшем их жизненные условия, сами возможности выживания в непростых исторических обстоятельствах. Изучение проблем женской меморизации позволяет понять, как происходившие

в обществе «большие» изменения отражались на повседневных переживаниях и субъективных опытах отдельных «маленьких людей» [там же: 42], какие социальные связи определяли коммуникативный контекст их существования.

В настоящей статье проблематизируется автобиографическая память одной из женщин, разделившей перипетии XX века, — Александры Михайловны Никольской (1887 — после 1976). Анализ ее воспоминаний позволяет восстановить неизвестные биографические детали, подробности общественной и частной жизни видного деятеля отечественной педагогики, создателя методов внешкольной работы Арта Яковлевича Закса (1878—1938). Систематическая биография «отца экскурсионной работы в СССР» («Учительская газета») и организатора Института методов внешкольного образования в Москве до сих пор не написана, а в открытых информационных ресурсах о нем имеются исторические неточности.

А. М. Никольская, будучи на девять лет младше А. Я. Закса, пережила его на несколько десятилетий, как бы подтверждая выявляемую антропологами затратность мужчин в сообществе [Арутюнов, Рыжакова, 2004: 166]. Она написала свои воспоминания за полтора года до его столетнего юбилея, завершив их накануне собственного 89-летия, 29 октября 1976 г. В таком возрасте память, с одной стороны, цепко сохраняет подробности пережитого в ранние периоды жизни, с другой — способна утрачивать отдельные детали и переконструировать травмирующий жизненный опыт в приемлемый [Белова, 2020: 6]. Свои воспоминания А. М. Никольская изложила в двух ученических тетрадах. На обложке одной из них обозначено «Биография Закс А. Я.», на другой — «Моя жизнь».

А. Я. Закс родился 15 (27) мая 1878 г. в городе Порхов Псковской губернии в семье немецких евреев Якова Григорьевича и Феодоры Христиановны Закс. По словам А. М. Никольской, «отец его был врач, а мать домохозяйка» (Никольская, л. 1)¹. В отличие от имеющихся официальных биографий, Александра Михайловна называет годом рождения Арта Яковлевича 1877-й, считает семью, состоящую из семи человек (родители, три сына и две дочери), «большой» (Никольская, л. 1). Из состава семьи ею исключен умерший в шестилетнем возрасте сын Еллий (1879—1885) [Арт Яковлевич Закс]. От Арта, Бориса (р. 1883) и Владимира (р. 1885) произошли три ветви Заков (термин Виктора Самуиловича Закса) — тверская, московская и воронежская.

Александра Михайловна сообщает, что отец Арта Яковлевича умер в возрасте сорока пяти лет, вследствие чего «семья осталась без средств к существованию» (Никольская, л. 1). В таком случае годом его рождения следует считать 1851-й, а не 1846-й, как значится в его генеалогическом древе Му Heritage [Яков Григорьевич Закс]. Есть расхождения и в сведениях о том, в каком статусе в это время находился Арт Яковлевич — был еще гимназистом или уже студентом. По версии Александры Михайловны, «он учился в Петербурге в последнем классе гимназии»: «Он учился и давал уроки ученикам гимназии. Содержал сам

¹ Здесь и далее ссылки на воспоминания А. М. Никольской, хранящиеся в личном архиве В. А. Закса и М. В. Акениной, урожденной Закс, приводятся в тексте в круглых скобках. В цитатах из неопубликованных источников сохранена орфография и пунктуация их авторов.

себя и немного помогал матери» (Никольская, л. 1). В письме же В. С. Закса к И. А. Заксу перечислены имеющиеся в его распоряжении копии документов из личного дела студента Санкт-Петербургского университета А. Я. Закса, которое хранится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Среди этих документов было и свидетельство от Псковского городского полицейского управления, выданное вдове коллежского советника Ф. Х. Закс, об отсутствии собственных доходов и материальной помощи родственников после смерти Я. Г. Закса. По уточнению В. С. Закса, это произошло 15 июня 1896 г., «т. е. в год поступления Арта в университет» (Виктор Закс об Арте, с. 8)².

Окончив 6-ю Санкт-Петербургскую гимназию с золотой медалью (Никольская, л. 1 об.), А. Я. Закс направил «собственноручное Прошение ректору Санкт-Петербургского университета о приеме в число студентов историко-филологического факультета» (Виктор Закс об Арте, с. 8), «выпускники которого, как правило, поступали на государственную службу» [Политика в отношении евреев...]. Ему не пришлось столкнуться с ограничениями для евреев при поступлении в высшие учебные заведения, поскольку он был выкрестом — в личном деле есть свидетельство о крещении (Виктор Закс об Арте, с. 8). Смена вероисповедания для имперской власти являлась решающим критерием лояльности подданных.

Учеба в Петербургском университете, который, по замечанию Александры Михайловны, Арт Яковлевич окончил «блестяще» (Никольская, л. 1 об.), стала во многих отношениях поворотным этапом его профессионального становления и предопределила в последующем область его научного и преподавательского интереса. Александра Михайловна приводит интересную деталь, которая должна была повлиять как на культурный кругозор А. Я. Закса, формирование опыта ученого-историка, так и на его будущий интерес к экскурсионной работе. Он «был послан от университета на Всемирный конгресс историков, делегатом и докладчиком»: «Конгресс был в Италии в Милане и Венеции. Он продолжался несколько недель. А. Я. Закс, после конгресса, оставлен был за границей для приведения в порядок материалов конгресса. Он знал в совершенстве несколько иностранных языков: немецкий, французский, английский, итальянский, греческий, латинский, еврейский и русский. Материалы Всемирного конгресса были написаны на многих иностранных языках, и для их обработки требовались полиглоты» (Никольская, л. 1 об.). Арт Яковлевич в качестве одного из десяти представителей России принял участие в I Международном конгрессе исторических наук в Риме в 1903 г. [Кулаковский, 1903]. Находясь в Италии, он общался с самыми разными людьми, многочисленными участниками конгресса, на который прибыло 2500 историков из всех стран Европы, некоторых стран Азии и Америки [там же: 1], знакомился с уникальными памятниками истории и культуры, шедеврами итальянского искусства, что могло заронить в нем мысли о значимости экскурсионной работы в постижении прошлого.

После возвращения из-за границы, по словам А. М. Никольской, «А. Я. Закс работал преподавателем истории в Тенишевском училище в Петер-

² Здесь и далее ссылки на письмо В. С. Закса к И. А. Заксу, хранящееся в его личном архиве и озаглавленное «Виктор Закс об Арте», приводятся в тексте в круглых скобках.

бурге): «Преподавание в училище велось по самым передовым методам английских и американских педагогов. Преподаватели все были передовые и очень образованные люди. <...> За свою широкую просветительную деятельность училище было закрыто, а преподаватели были уволены, а некоторые были высланы из Петербурга на крайний север» (Никольская, л. 2).

Находясь в ссылке, «он там вел работу по изучению Северного края»: «Изучал быт населения, его экономику и культуру жизни. В 1902 в Ярославле было решено устроить выставку Северного края. А. Я. пригласили, как знатока Северного края, быть организатором и устройтелем выставки вместе с другими специалистами. Выставку Северного края открыли в 1903 году весной. А. Я. был экскурсоводом по выставочным залам. По окончании выставки и обработки итогового материала А. Я. уехал из Ярославля в Петербург. А. Я. поступил работать в Коммерческое училище в поселке Лесное под Петербургом» (Никольская, л. 2 — 2 об.). Память на даты в очередной раз подводит Александру Михайловну. Судя по предыдущему фрагменту воспоминаний, как раз весной 1903 г. Арт Яковлевич находился не в Ярославле, а в Риме на I Международном конгрессе исторических наук. Тем не менее важен акцент на содержательных подробностях относительно научных и экскурсионных занятий, отражающих и широкий круг исследовательских интересов Арта Яковлевича, и такую черту его личности, как жажда профессиональной деятельности в любых, даже самых неблагоприятных и не располагающих к этому, обстоятельствах.

Значительный интерес представляет тверской период в академической биографии А. Я. Закса [Белова, 2020]. А. М. Никольская вспоминала, что «в 1915 году он получил приглашение от директора школы Максимовича Ф. Ф. Ольденбурга занять место завуча школы и преподавателя истории» (Никольская, л. 2 об.). Вероятно, Арт Яковлевич был приглашен в Тверь раньше, поскольку Ф. Ф. Ольденбург, также окончивший историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета за шестнадцать лет до него, умер в 1914 г., однако к работе А. Я. Закс приступил именно в 1915 г.

Александра Михайловна помнила, что «во время работы в школе Максимовича А. Я., совместно с коллективом преподавателей школы, организовал Педагогические курсы для подготовки учителей Начальной школы»: «В организации курсов участвовали: Ф. Ф. Ольденбург, Клевенский, Брадис и его жена и другие преподаватели. Ответственный организатор был А. Я. Была организована Опорная начальная школа для практических занятий учителей, выпускаемых из школы и с Педагогических курсов. Зав. Опорной школы была Брадис — жена В. М. Брадиса» (Никольская, л. 3). Составитель «Четырехзначных математических таблиц» и его жена, Елизавета Викторовна Чебуркина [Данилова, 1990], имени которой А. М. Никольская не сообщила, были коллегами А. Я. Закса.

В памяти Александры Михайловны сохранились обстоятельства, вследствие которых Арт Яковлевич был вынужден покинуть Тверской педагогический институт в период его образования из-за разногласий с возглавившим учительскую школу после смерти Ф. Ф. Ольденбурга Н. Д. Никольским [Белова, 2020: 12]. Она вспоминала: «А. Я. уволили из-за идеологических разногласий с Комиссией по реорганизации. Председатель комиссии был москвич — Гангнус и он всецело доверился словам директора школы Н. Д. Никольского, который рез-

ко выступал против А. Я.» (Никольская, л. 3 — 3 об.). Подобные обстоятельства, отразившиеся как на личной судьбе участников, так и на истории образовательной институции, стали факторами дальнейшего развития профессиональной карьеры А. Я. Закса, предопределившими московский период его деятельности. Упомянутый Александрой Михайловной Рудольф Вильгельмович Гангнус (1883—1949), педагог-математик, был дедом по отцу поэта Е. А. Евтушенко (1932—2017)³.

Однако путь Арта Яковлевича в Москву пролегал через опыт работы в других городах, что характеризует и широкую географию его трудового поприща, и мобильность в условиях радикальных общественных изменений, и готовность проявлять себя в разных сферах профессиональной реализации. По словам А. М. Никольской, «в 1919—1920 годах А. Я. работал в Старицком Отделе Народного образования инспектором по средней и начальной школе»: «Летом 1920 года его пригласили на работу в Смоленск. В Смоленске он работал несколько месяцев и его пригласили на работу в Москву в Наркомпрос. Министром народного образования был Луначарский А. В., хороший и давнишний знакомый А. Я. Работать А. Я. никто не мешал — он был организатор и хозяин положения» (Никольская, л. 3 об.). Данное свидетельство важно не только с точки зрения принадлежности А. Я. Закса к высшему органу исполнительной власти, определявшему политику молодого советского государства в области образования и культуры, но и в контексте понимания его как общественного деятеля, инициатива которого не должна была быть скована ни излишними регламентациями, ни профессиональными распрями с коллегами.

Именно в таких условиях проявился организационный талант Арта Яковлевича и новаторство в подходах и методологии, получившие осязательную ответственность и широкую известность. Александра Михайловна характеризовала его деятельность в московский период так: «Работая в Наркомпросе, А. Я. стал развивать систему внешкольного образования среди взрослого населения. Стал организовывать туристские базы во всех городах и республиках нашего государства. Была открыта в Москве экскурсионная база в Братовщине, на Черном море создана База — курорт “Красная поляна”. А там и во всех крупных городах были организованы Туристские базы. Он был “Отцом экскурсионной работы в С.С.С.Р.” (Учительс. газ.). В Москве А. Я. организовал Институт методов внешкольного образования. В этом институте готовили культработников: Зав. клубами, Зав. Избами читальнями и Красными уголками на заводах, Зав. библиотеками. Готовили экскурсоводов на экскурсионные базы и весь персонал для обслуживания экскурсбаз» (Никольская, л. 4). Вклад А. Я. Закса в распространение и популяризацию экскурсионного метода и просветительскую деятельность среди населения страны в условиях культурной революции трудно переоценить. Возглавляемая им Опытно-показательная экскурсионная база Наркомпроса

³ *Евтушенко Е.* Волчий паспорт. 1998. URL: <http://izbrannoe.com/news/lyudi/evgeniy-evtushenko-o-svoey-natsionalnosti/lfnf> (дата обращения: 14.04.2020); *Евтушенко Евгений Александрович.* URL: <http://gorbibl.gomel.by/index.php?do=static&page=museum&id=25> (дата обращения: 14.04.2020).

РСФСР функционирует и ныне как ФГБОУ ДО «Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения»⁴. Это подтверждает востребованность внедренных им методов экскурсионной работы [Закс, 1929]. Подобную преемственность в истории базы сложно обеспечить в условиях произошедших общественных изменений в конце XX в. вне научной обоснованности и практической значимости ее существования.

Среди экскурсионных организаций, внесенных в адресную и справочную книгу 1927 г. «Вся Москва», значатся Объединенное экскурсионное бюро Наркомпроса, членом правления которого был А. Я. Закс, и Опытно-показательная экскурсионная база Главсоцвоса, которой он заведовал [Вся Москва, 1927: 276]. География поездок, организуемых бюро, была широка, включала и «экскурсии по Москве, и в различные районы СССР (Крым, Кавказ, Волга, Средняя Азия, Днепр, Волховстрой — Ленинград и др.) [там же]. Были возможны как групповые, так и индивидуальные экскурсии. База являвшегося структурным подразделением Наркомпроса Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей до пятнадцати лет проводила «опытно-показательную работу в Москве и в сельских местностях с экскурсиями педагогов и учащихся». Наряду с московской площадкой существовала загородная база в селе Костино у станции Братовщина Северной железной дороги, о которой как раз упоминала А. М. Никольская. В этой же адресной книге уточнялось, что «вопросы методики экскурсионного дела разрабатывает экскурсионный отдел Института методов внешкольной работы» [там же], созданный Артом Яковлевичем.

О последних годах жизни А. Я. Закса Александра Михайловна вспоминала так: «В конце 20-х годов А. Я. тяжело заболел. В 1931 ушел на пенсию. Пенсию он получал академическую. Ему без защиты диссертации было присвоено звание профессора. За развитие экскурсионной работы во всем Советском Союзе и за организацию и руководство Институтом Методов Внешкольной работы, и как выдающемуся деятелю народного образования и просвещения вообще. В 1931 году, при уходе А. Я на пенсию, ему был устроен юбилей. На юбилее выступал министр народного просвещения Бубнов, Н. К. Крупская и многие другие видные деятели и ученые. Был поднесен адрес в богатом оформлении. В адресе были поздравления и приветствия деятелей Москвы и Ленинграда по народному просвещению, а также видных деятелей науки и искусства. Отчет о юбилее был напечатан в газетах “Известия” и “Учительская газета” с портретами А. Я в крупном плане» (Никольская, л. 4 об. — 5). Для автора воспоминаний было важно подчеркнуть прижизненное признание профессиональных заслуг Арта Яковлевича со стороны представителей власти, коллег, широкой общественности.

Однако из письма В. С. Закса к внуку Арта Яковлевича, И. А. Заксу, известно и о другой стороне завершения им профессиональной карьеры, в частности, В. С. Закс пишет: «В последние годы жизни он как руководитель экскурсионной базы и Института методов внешкольной работы стал мишенью для

⁴ Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения. URL: <https://xn--d1aacmfe4auiif8a1e.xn--plai/> (дата обращения: 07.01.2020).

критики со стороны партийных органов, проводящих в жизнь сталинскую концепцию чистки кадров, когда из-за непролетарского происхождения были уволены или даже арестованы многие высококвалифицированные и опытные специалисты: музейные работники, краеведы, библиографы, экскурсоводы. Ему указывали на недопустимую академичность и недостаточную политическую заостренность программ, на “засоренность” кадров. Эта обстановка подорвала его и без того не слишком крепкое здоровье» (Виктор Закс об Арте, с. 6). Расцвет экскурсионного дела в период с 1923 по 1928 г. завершился закрытием Института методов внешкольной работы и реорганизацией Центральной опытно-показательной экскурсионной базы Наркомпроса, что стало непереносимым ударом для Арта Яковлевича, страдавшего хроническим недугом — периодически повторяющимися микроинсультами (Виктор Закс об Арте, с. 6). Экскурсионное движение, основы которого были разработаны и заложены в концепции и преподавательской деятельности И. М. Гревса, Н. П. Анциферова, Б. Е. Райкова, Н. А. Гейнике, А. В. Бакушинского, А. Я. Закса, редуцировалось до политпросвещения и туризма, повторяя судьбу всех сфер общественной жизни, над которыми тоталитарное государство устанавливало полный и всеобъемлющий контроль.

Что касается непосредственного завершения жизненного пути, оно описано А. М. Никольской лаконично: «В конце января месяца 1936 года А. Я. Закс умер от кровоизлияния в мозг. А. Я. кремировали и урну с прахом захоронили на кладбище. В газетах: “Учительской” и “Известиях” были напечатаны большие некрологи, о жизни и деятельности А. Я. Закса и были помещены его портреты в крупном плане» (Никольская, л. 5). По поводу не только года, но и даты смерти имеются разночтения: общепризнанным по альтернативным сведениям считается 1938 г. Уточняющая информация содержится в письме В. С. Закса к И. А. Заксу: «Он скончался 30 января 1938 года, не дожив нескольких месяцев до 60 лет. В кратком сообщении о его кончине, опубликованном в выпуске газеты “Вечерняя Москва” от 1 февраля 1938 года, было сказано следующее: 30 января скончался педагог Арт Яковлевич Закс, о чем с чувством глубокой скорби сообщают родные, друзья и ученики. Кремация в 19 ч. 15 мин. 1 февраля 1938 г. Я привожу этот текст потому, что в наше время все доступные биографические источники дружно называют неправильную дату его смерти — 4 февраля 1938 года. <...> Кремация в те времена могла быть осуществлена только в Донском крематории, который был тогда единственным в Москве. Несмотря на эту определенность, отыскать нишу с прахом Арта Яковлевича, к сожалению, пока не удалось. Похоже, что заброшенное место захоронения не сохранилось вовсе. Ведь самых близких ему людей уже очень давно нет в живых» (Виктор Закс об Арте, с. 6—7). К числу этих самых близких людей Арта Яковлевича Закса относились его жена Юлия Ивановна Менжинская и автор воспоминаний о нем, мать его внебрачного сына Александра Михайловна Никольская.

История частной жизни А. Я. Закса сопряжена с вехами его общественной деятельности и профессионального пути. О начале общения А. М. Никольская вспоминала так: «Ю. И. Менжинская и А. Я. Закс мои старые знакомые. Я их встречала в 1903 году в Ярославле. Ю. И. жила со своим мужем — В. Р. Менжинским и двоими детьми с нами в одном доме и была дружна с моею матерью.

Жили мы на Борисоглебской улице в доме купца Разживина. А. Я. был другом их семьи. Затем дороги наши разошлись и мы потеряли друг друга из виду. В 1916 году судьба опять нас свела в Твери» (Никольская, л. 5 об.). В это время «они оба работали педагогами в Школе Максимовича» (Никольская, л. 7).

Юлия Ивановна, урожденная фон Бурзи (1875—1947), в 1902—1904 гг. была первой женой будущего наркома финансов (1918), а затем Председателя ОГПУ СССР (1926—1934), преемника Ф. Э. Дзержинского, Вячеслава Рудольфовича Менжинского (1874—1934), который, как и Арт Яковлевич Закс, окончил с золотой медалью ту же 6-ю Санкт-Петербургскую гимназию тремя годами ранее. По словам А. М. Никольской, «он ушел от нее в 1904 году», после чего она с двумя малолетними детьми, пятилетним Юрой и новорожденной Катей, прожив недолго в Москве у богатой тетки, «переехала к А. Я., который жил и работал в Лесном» и «тоже стала работать в Лесном Коммерческом училище преподавателем» (Никольская, л. 7 об.). После того как А. Я. Закс и Ю. И. Менжинская переселились в Тверь, они трудились в женской учительской школе имени П. П. Максимовича: он заведовал учебной частью, она была преподавателем. Оставшись один после отъезда Юлии Ивановны осенью 1916 г. «от голода и холода с детьми» в Саратовскую губернию к богатым друзьям-помещикам, Арт Яковлевич «перешел на жительство в Школу Максимовича» (Никольская, л. 8). Дальнейшие перипетии его частной жизни тесным образом связаны с историей образовательного учреждения. А. М. Никольская вспоминала: «В начале марта 1918 года он пришел ко мне. Я его и не узнала, так он изменился: похудел и постарел, больной истощенный. Он мне рассказал: что на базе школы Максимовича и Педагогических курсов организуют Педагогический Институт и его выселяют из его комнаты в школе. <...> В августе 1919 года <...> он сдавал дела, во вновь учрежденном Педагогическом Институте. В конце сентября 1919 года <...> Институт организовали, а его уволили и оклеветали, и очернили... он был безработный... Морально он был очень удручен и материальные дела его были не блестящие. Я его ободряла...» (Никольская, л. 8 об. — 9). Тверской период жизни А. Я. Закса, способствовавший развитию региональной системы образования, внедрению новаторских методов преподавания в женской учительской школе имени П. П. Максимовича, завершился для самого педагога травмирующим опытом изгнания, ставшего вместе с тем началом перехода к московскому периоду [Белова, 2020: 17]. Память Александры Михайловны сохранила сведения о профессиональной мобильности Арта Яковлевича в это время: «В марте 1920 года его пригласили работать в Смоленск, а в августе 1920 года его пригласили в Москву в Наркомпрос» (Никольская, л. 9 об.). Именно с московским периодом соотносился наиболее плодотворный этап его деятельности, внесший наибольший вклад в развитие экскурсионного движения в СССР.

Таким образом, воспоминания А. М. Никольской об А. Я. Заксе воплощали источниковедческий потенциал женской автобиографической памяти, фиксируемой в эго-документах. Связь собственной жизни с судьбами других людей, сохранение мотивов их поступков, объяснение принимаемых решений исходя из контекста исторических реалий и повседневной жизни определяет гендерные особенности памяти женщин о прошлом и о себе. При этом «количественная»

достоверность женской социальной памяти, связанная с датировкой событий, в ряде случаев уступает «качественной» информации о реакции на произошедшее.

Список источников

- Автобиография // Britannica: большой иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: АСТ, 2009. 1257 с.: ил.
- Арт Яковлевич Закс // Geni / a My Heritage Company. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%90%D1%80%D1%82-%D0%97%D0%B0%D0%BA%D1%81/600000057421363209> (дата обращения: 14.04.2020).
- Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. М.: Весь Мир, 2004. 216 с. (Аудитория).
- Белова А. В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3. С. 39—51.
- Белова А. В. А. Я. Закс в автобиографической памяти Александры Михайловны Никольской: к истории Тверской женской учительской школы имени П. П. Максимовича // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 3. С. 4—18.
- Белова А. В. Функции автобиографической памяти в женском нарративе // XIV Конгресс антропологов и этнологов России, Томск, 6—9 июля 2021 г.: сборник материалов / отв. ред. И. В. Нам. М.; Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. С. 754—755.
- Белова А. В. Социальная антропология женской повседневности: учебник для студентов бакалавриата и магистратуры. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2023. 231 с.
- Вся Москва: адресная и справочная книга на 1927 год. М., 1927. Отд. 2: Общесправочный. 504 с.
- Данилова Е. Ф. Владимир Модестович Брадис: к 100-летию со дня рождения. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990. 40 с.
- Закс А. Я. Институт методов внешкольной работы // Педагогическая энциклопедия. М., 1929. Т. 3. С. 315—318.
- Иванова Е. Ф. О гендерных особенностях памяти // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 242—252.
- Иванова Е. Ф. Память об исторических событиях (на материале Холокоста): гендерный аспект // Социальная история: ежегодник, 2003: женская и гендерная история / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М.: РОССПЭН, 2003. С. 217—234.
- Кулаковский Ю. А. Международный конгресс исторических наук в Риме. Киев: б. и., 1903. 22 с. (Университетские известия. Год XLIII; № 5. Май).
- Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти: статьи по устной истории / пер. с нем. К. Левинсон, Е. Щербакова. М.: Новое изд-во, 2012. 536 с.
- Политика в отношении евреев и антисемитизм (1881—1904) // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/general/15442/> (дата обращения: 14.04.2020).
- Пушкарева Н. Л. Андрогинна ли Мнемозина?: (гендерные особенности запоминания и исторической памяти) // Сотворение истории. Человек — память — текст: цикл лекций / науч. ред. Л. П. Репина; отв. ред. Е. А. Вишленкова. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 274—304.
- Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 496 с.
- Пушкарева Н. Л., Белова А. В., Мицюк Н. А., Громова А. И. Материнская идентичность, семейная и коллективная память о «женском предназначении» в России: историографические наблюдения // Историческая память и российская

- идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 289—311.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12—34.
- Яков Григорьевич Закс // Geni / a My Heritage Company. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%97%D0%B0%D0%BA%D1%81/6000000057420872488> (дата обращения: 14.04.2020).
- Ekman P. Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage. New York: W. W. Norton & Company, 1985. 320 p.

References

- Art Yakovlevich Zaks, *Geni*, A My Heritage Company, available from <https://www.geni.com/people/%D0%90%D1%80%D1%82-%D0%97%D0%B0%D0%BA%D1%81/600000057421363209> (accessed 14.04.2020).
- Arutyunov, S. A., Ryzhakova, S. I. (2004) *Kul'turnaia antropologiiia* [Cultural anthropology], Moscow: Ves' Mir.
- Avtobiografiia (2009) [Autobiography], *Britannica: bol'shoi illiustrirovannyi entsiklopedicheski slovar'*, Moscow: AST.
- Belova, A. V. (2019) Zhenskaia sotsial'naia pamiat': integratsiia gendernoï antropologii i antropologii pamiati [Women's social memory: integration of gender anthropology and anthropology of memory], *Vestnik antropologii*, no. 3, pp. 39—51.
- Belova, A. V. (2020) A. Ia. Zaks v avtobiograficheskoi pamiati Aleksandry Mikhaïlovny Nikol'skoi: k istorii Tverskoï zhenskoï uchitel'skoï shkoly imeni P. P. Maksimovicha [A. Ya. Zaks, teacher of the Tver women's teacher's school named after P. P. Maksimovich, in the auto-biographic memory of A. M. Nikolskaya], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, serii Istorii, no. 3, pp. 4—18.
- Belova, A. V. (2021) Funktsii avtobiograficheskoi pamiati v zhenskom narrative [Functions of autobiographical memory in women's narrative], in: Nam, I. V. (ed.), *XIV Kongress antropologov i etnologov Rossii, Tomsk, 6—9 iulia 2021 g.*: Sbornik materialov, Moscow, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 754—755.
- Belova, A. V. (2023) *Sotsial'naia antropologiiia zhenskoï povsednevnosti*: Uchebnik dlia studentov bakalavriata i magistratury [Social anthropology of women's everyday life: A textbook for undergraduate and graduate students], Tver: Tverskoï gosudarstvennyi universitet.
- Danilova, E. F. (1990) *Vladimir Modestovich Bradis: K 100-letiiu so dnia rozhdeniia* [Vladimir Modestovich Bradis: To the 100th anniversary of his birth], Tver: Tverskoï gosudarstvennyi universitet.
- Ekman, P. (1985) *Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage*, New York: W. W. Norton & Company.
- Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamiati* [The social frameworks of memory], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Ivanova, E. F. (1999) O gendernykh osobennostiakh pamiati [About gender characteristics of memory], *Gendernye issledovaniia*, no. 3, pp. 242—252.
- Ivanova, E. F. (2003) Pamiat' ob istoricheskikh sobytiakh (na materiale Kholokosta): gendernyi aspekt [The memory of historical events (on the material of the Holocaust): gender aspect], in: Pushkareva, N. L. (ed.), *Sotsial'naia istoriia*: Ezhegodnik, 2003: Zhenskaia i gendernaia istoriia, Moscow: ROSSPĖN, pp. 217—234.

- Kulakovskiy, Yu. A. (1903) *Mezhdunarodnyĭ kongress istoricheskikh nauk v Rime* [International Congress of Historical Sciences in Rome], Kyiv: s. n.
- Niethammer, L. (2012) *Voprosy k nemetskoĭ pamiatĭ: Stat'i po ustnoĭ istorii* [Questions to the German memory: Articles on oral history], transl. from German by K. Levinson, E. Shcherbakova, Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Politika v otnoshenii evreev i antisemitizm (1881—1904) [Policy towards Jews and anti-Semitism (1881—1904)], *Ėlektronnaiia evreĭskaia ěntsiklopediia*, available from <https://eleven.co.il/jews-of-russia/general/15442/> (accessed 14.04.2020).
- Pushkareva, N. L. (2001) Androginna li Mnemosina?: (Gendernye osobennosti zapominaniia i istoricheskoi pamiatĭ) [Is Mnemosyne Androgynous?: (Gender features of memorization and historical memory)], in: Repina, L. P., Vishlenkova, E. A. (eds), *Sotvorenie istorii. Chelovek — pamiat' — tekst: Tsikl leksiĭ*, Kazan: Master Lain, pp. 274—304.
- Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Pushkareva, N. L., Belova, A. V., Mitsyuk, N. A., Gromova, A. I. (2018) Materinskaia identichnost', semeĭnaia i kollektivnaia pamiat' o "zhenskom prednaznachenii" v Rossii: istoriograficheskie nabludeniia [Maternal identity, family and collective memory of "women's destiny" in Russia: historiographic observations], in: Tishkov, V. A., Pivneva, E. A. (eds), *Istoricheskaiia pamiat' i rossiiskaia identichnost'*, Moscow: Rossiiskaia akademiia nauk, pp. 289—311.
- Shnirelman, V. A. (2018) Sotsial'naia pamiat': voprosy teorii [Social memory: theory questions], in: Tishkov, V. A., Pivneva, E. A. (eds), *Istoricheskaiia pamiat' i rossiiskaia identichnost'*, Moscow: Rossiiskaia akademiia nauk, pp. 12—34.
- Vsia Moskva: Adresnaia i spravochnaia kniga na 1927 god (1927)* [All Moscow: Address and reference book for 1927], otdel 2: Obshchespravochnyi, Moscow.
- Yakov Grigorievich Zaks, *Geni, A My Heritage Company*, available from <https://www.geni.com/people/%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%97%D0%B0%D0%BA%D1%81/6000000057420872488> (accessed 14.04.2020).
- Zaks, A. Ya. (1929) Institut metodov vneshkol'noi raboty [Institute of Methods of Extracurricular Work], *Pedagogicheskaiia ěntsiklopediia*, vol. 3, Moscow, pp. 315—318.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 26.01.2024.

The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 26.01.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Белова Анна Валерьевна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории, Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия; ведущий научный сотрудник Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, belova.av@tversu.ru (Dr. Sc. (History), Head of the Department of World History, Tver State University, Tver, Russian Federation; Leading Researcher at the Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).